

РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ: ПРАКТИКИ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПОСЛЕДСТВИЯ

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ КАК ОРГАНИЗОВАННАЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Святослав Станиславович Бразевич**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Бразевич С.С. (2017) Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 108–134. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.6>

Аннотация. В статье проводится историко-социологический сравнительный анализ карательной политики советского государства и «белых» государственных образований Сибири в годы Гражданской войны. Результаты анализа позволяют сделать выводы и обобщения, актуальные и в наши дни, помогают вскрыть сложность и противоречивость процессов, протекавших в России в первые послереволюционные годы. Россия сегодня, находясь на переломе своей истории, нуждается в теоретическом осмыслении прошлого, в воссоздании исторической правды, абстрагировании от социальных мифов и фальсификаций. В публикации рассмотрены концептуальные и нормативно-правовые основы формирования как у «красных», так и у «белых», концентрационных лагерей как организованной формы политического насилия, связанного с принудительной изоляцией политически и социально неприемлемых для режимов групп людей. Показано, что в отличие от тюрем, концлагеря создавались Советской властью специальными распоряжениями изначально как временные места заключения и в большинстве случаев в них использовался принудительный труд заключенных. Отмечается также, что в концлагерях антибольшевистских правительств Сибири, помимо собственно военнопленных Первой мировой войны, содержались большевики и советские работники, пленные красноармейцы и другие лица, заподозренные в симпатиях к большевизму. В статье представлены результаты социолого-статистической обработки 21 тыс. личных карточек на людей, содержащихся в концентрационных лагерях РСФСР в 1919–1921 гг. Личные карточки дают богатый материал для изучения заключенных в концентрационные лагеря. В них зафиксированы возраст, пол, место рождения, национальность, образование, семейное положение, профессия, социальное положение, принадлежность к общественным организациям, место службы, прежняя судимость. В приведенных таблицах данные охватывают территорию всей Советской республики, показана не ведомственная отчетность, а суммарная деятельность каратель-

* E-mail: brazevichss@bk.ru

ного аппарата советского государства в целом. Кроме этого, в статье представлены результаты анализа деятельности на территории, контролируемой правительством адмирала Колчака, 41 концентрационного лагеря.

Ключевые слова: революционное насилие, гражданская война, карательная политика, концентрационный лагерь, классовый враг, репрессии, принудительный труд

Гражданская война в России была вооруженным противостоянием широкого масштаба, закономерным итогом острых политических, экономических и социальных противоречий, а также первым в истории страны крупным внутренним конфликтом, основой которого являлись антагонизм мировоззрений, противостояние идеологий. При этом следует особо отметить, что «поле идеологических взглядов воспроизводит в превращенной форме поле социальных позиций» (Бурдые 2007: 92).

Во время Гражданской войны как большевики, так и их непримиримые враги — белые, использовали целую систему концлагерей для изоляции своих противников, через которую прошли тысячи человек. Исторически так сложилось, что понятие «концентрационный лагерь» многими в России ассоциируется с фашистской Германией. Однако это понятие появилось задолго до событий Второй мировой войны. Первые концентрационные лагеря были созданы в ходе Гражданской войны в США (1861–1865 гг.), они также широко использовались во время Англо-бурской войны 1899–1902 гг. Словосочетание «концентрационный лагерь» получило применение и в ходе Первой мировой войны. «Концентрационный лагерь» — это понятие военное, поскольку первые концлагеря являлись лагерями для постоянного содержания военнопленных. Лагерь назывался концентрационным потому, что в нем концентрировались взятые в плен военнослужащие противника. Концентрационный лагерь, соответственно, существует только во время войны, и дальнейшая судьба военнопленных полностью зависит от договоренностей воюющих государств.

Участие в Первой мировой войне массовых армий привело к появлению миллионов военнопленных. По современным оценкам, число военнослужащих Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, взятых в плен российской армией, составляет около 2 млн. человек, в том числе 1736764 военнослужащих австро-венгерской, 159390 немецкой, 64509 турецкой и 670 болгарской армий (Степанов 2002: 629).

Размещение военнопленных на территории России было организовано «сообразно с национальностью». Военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. Значительная часть этих пленных была размещена в двух сибирских военных

округах — Омском (территории Западной Сибири и Северного Казахстана) и Иркутском (Восточная Сибирь) (Интернационалисты 1987: 16). В то же время пленных славян и румын содержали в европейской части России, где были различные лагеря «вместимостью» от 2000 до 10 000 человек, в Сибири устраивались более крупные, в которых одновременно содержались до 35 000 военнопленных (Гергилева 2013: 54).

Для военнопленных в России к 1917 г. было создано более 400 концентрационных лагерей, например, в Петроградском военном округе — 15, в Московском — 128, Одесском — 18, Казанском — 113, Туркестанском — 37, Иркутском — 30, Омском — 28, Приамурском — 5 (Васильева 1999: 87).

После Октябрьской революции в середине декабря 1917 г. Советом Народных Комиссаров (СНК) был принят декрет об освобождении военнопленных от тюремно-лагерного режима, присвоении им прав граждан нейтральных стран и отмене всех принудительных работ (Суржикова 2014: 278).

После заключения Брестского мира стал проводиться обмен военнопленными. И уже к лету 1918 г. некоторые концентрационные лагеря Центральной коллегии по делам пленных и беженцев Наркомата по военным делам РСФСР освободились. Эти концлагеря начали использоваться для содержания военнопленных Гражданской войны. Советское государство предоставляло статус военнопленного всем взятым в плен Красной армией военнослужащим в составе Белой гвардии, армий государств Антанты, независимо от национальной и государственной принадлежности (Галас 2011: 106).

Антибольшевистские правительства рассматривали славянских военнопленных в качестве своих союзников в борьбе с советской властью. Временное Сибирское правительство, установившее в конце мая — августе 1918 г. власть на освобожденной от большевиков территории, а позже Временное Всероссийское правительство, придерживались принципов дореволюционной политики в отношении военнопленных. Однако эти принципы были уже сточены. Считая пленных немцев и венгров опорой большевиков в Сибири, новые власти с июля 1918 г. предписали их «сосредоточить в концентрационных лагерях, где произвести им регистрацию и распределение...», разрешив размещать в деревнях и станицах только военнопленных «иных национальностей» (Временное Сибирское правительство 2007: 209). Для концентрации чехов и словаков в то же время были отведены Омск и Иркутск, поляков — Новониколаевск, югославян, итальянцев и эльзасцев — Томск, румын — Петропавловск, украинцев — Славгород. Инвалиды направлялись в Барнаул, Бийск, Павлодар и Семипалатинск. Местами содержания офицеров назначались село Кресты под Шадринском, города Тара и Тобольск (Там же: 210). В одни и те же лагеря для военнопленных по всей Сибири, помимо собственно пленных Первой мировой войны, были заключены тысячи большевиков и советских работников, пленных красногвардейцев и красноармейцев.

Приход к власти Российского правительства во главе с адмиралом А.В. Колчаком только ужесточил политику в отношении пленных. Сам А.В. Колчак с недоверием относился даже к чехословацким легионерам. Славяне, не пожелавшие вступить в «добровольческие» соединения, как и «враждебные национальности», были сосредоточены в лагерях. Вступившие в такие формирования, но потом отказавшиеся в них воевать, возвращались в концентрационные лагеря (Талапин 2013: 81).

После восстановления в Сибири советской власти оставшиеся иностранные военнопленные надеялись на немедленную отправку домой. Однако лагерные бараки и принудительные работы для большинства военнопленных де-факто не были отменены. Надежды на скорую отправку домой не оправдались и у пленных, сражавшихся в рядах Красной армии.

Как показывает анализ литературы, борьба «красных» и «белых» в ходе Гражданской войны отличалась особой жесточечностью, которая порожидала небывалые формы насилия, проявлявшиеся в карательной политике как советского государства, так и «белых» правительств.

В первые месяцы установления Советской власти насилие находило ограниченное применение и лишь с весны 1918 г. стало массовым явлением ввиду того, что оно широко использовалось в политической борьбе, при захвате и удержании власти, при политико-идеологической обработке различных социальных слоев общества. В это время В.И. Ленин делал категоричные заявления о верховенстве революционной диктатуры, фактически определяя закон в качестве вторичного явления. Ленин объяснял это тем, что «революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» (Ленин 1969: 245). Обосновав необходимость диктатуры пролетариата для подавления классовых врагов, Ленин вместе с тем указывал на необходимость применения насилия по отношению к самим трудящимся, совершающим преступления и нарушающим революционный правопорядок. «История показала, — писал В.И. Ленин, — что без революционного насилия невозможно достигнуть победы. Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров. А с другой стороны, революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы» (Ленин 1974: 117). Такие представления В.И. Ленина о государстве как орудии насилия разделяли и другие идеологи большевизма. Например, Н.И. Бухарин рассматривал пролетарскую диктатуру как «форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти» (Бухарин 1988: 19). Он подчеркивал, что «пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как пара-

доксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (Бухарин 1990: 168). Руководитель созданной 7 декабря 1917 г. Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) Ф.Э. Дзержинский заявлял: «Не думайте, что я ищущу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна... Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции» (Бонч-Бруевич 1931: 191–192).

С первых дней Советской власти стало активно применяться государственное принуждение по политическим мотивам, начал составляться политический список «врагов народа», подлежащих репрессиям. В этот список на основании нормативных актов включались как отдельные лица, так и определенные социальные группы, представлявшие опасность для нового политического режима. Например, член коллегии ВЧК М.Я. Лацис обосновывал необходимость массовой ликвидации буржуазии следующим образом: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова у него профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл красного террора» (Кубасов 2012: 104). Директивы, издаваемые большевистским руководством, основывались на их внутреннем убеждении в том, что «устрашение есть могущественное средство политики» (Троцкий 1920: 27). Так, лейтмотивом многих указаний Ленина в отношении политических противников выступал призыв расправиться с врагом так, «чтобы все на годы запомнили» (Ленин 1970: 219). Даже М. Горький, несмотря на многолетнюю личную дружбу с В.И. Лениным, после победы революции предупреждал: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия» (Горький 1917: 7 (20) ноября).

Концентрационные лагеря в Советской России для содержания в них классово чуждых элементов и врагов пролетариата следует рассматривать как естественную форму реализации ленинских положений революционного насилия. В.И. Ленин неоднократно обращался к теме концлагерей и связанного с ней вопроса о принудительном труде. Так, 31 января 1918 г. Совет народных комиссаров под председательством Ленина признал необходимым «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях» (Из истории 1958: 25). 9 августа 1918 г. в ответ на письмо Е.Б. Бош, сообщившей о кулацком восстании в Пензенской губернии, он писал: «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в кон-

центрационный лагерь вне города» (Ленин 1970: 143–144). Тем самым, Ленин вводит в практический оборот новый вид революционного насилия, концентрационный лагерь. 21 мая 1919 г. Ленин снова обращается к теме концентрационных лагерей. В письме Г.Е. Зиновьеву он требует: «...Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря...» (Ленин 2000: 289). 3 июня 1919 г. В.И. Ленин в телеграмме в Петроград И.В. Сталину предлагал: «Насчет иностранцев советую не спешить с высылкой. Не лучше ли в концлагерь, чтобы потом обменять» (Ленин 1970: 335). Также в постановлении СНК, подписанном Лениным 3 июня 1919 г., указывалось: «Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных поданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концентрационные лагеря...» (Латышев 1996: 56).

Не отрицая роли Ленина в создании концлагерей, необходимо обратить внимание на активную позицию в этом плане другого лидера партии большевиков, Л.Д. Троцкого. Ряд исследователей отдает инициативу в создании концентрационных лагерей Троцкому. «Первые концентрационные лагеря в Советской России были организованы по приказу Л.Д. Троцкого в конце мая 1918 года, когда предполагалось разоружение чехословацкого корпуса. Создавались они обычно на месте освободившихся после обмена военнопленными лагерей Первой мировой войны. В июне-августе 1918 года в ходе обострения событий Гражданской войны идея концлагерей как части репрессивной политики большевиков получила дальнейшее развитие» (Островская 2011: 46). Например, 8 августа 1918 г. Троцкий распорядился создать концлагеря в Муроме, Арзамасе и Свияжске и заключить в них «темных агитаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, спекулянтов» (Троцкий 1923: 216). Кроме этого, в концлагеря Троцкий призывал сажать отказавшихся служить в Красной Армии военспецов, а также держать в концлагерях в качестве заложников родственников бывших царских офицеров-военспецов, вступивших в Красную Армию, тем самым обеспечивая гарантию в их верности Красной армии.

Начало формирования лагерной системы в Советской России относится к апрелю 1918 г., когда Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Наркомата юстиции (НКЮ) было преобразовано в Центральный карательный отдел и возникли места заключения при ВЧК, включившие и концлагеря для бывших военнопленных и беженцев периода Первой мировой войны. С началом Гражданской войны в мае 1918 г. роль мест заключения при ВЧК существенно возросла. Сажать своих противников в неохранные тюрьмы системы НКЮ правительство большевиков не могло. Решено было использовать военизированные организации: ВЧК и Центральную коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) Наркомата по военным делам

РСФСР, которая имела широкую сеть концентрационных лагерей с военнопленными Первой мировой войны.

Официально концентрационные лагеря в Советской России были созданы Декретом СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., в котором говорилось, что «существующая ситуация требует обеспечить тыл Советской республики от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях» (СУ 1918: 710). Этот правительственный акт, опубликованный в «Известиях ВЦИК» только 10 сентября 1918 г., когда террор уже принял массовый характер, давал ВЧК «законное» основание для репрессий против неопределенно широкого круга лиц. В категорию «классовых врагов» мог попасть в силу происхождения, профессии, партийной принадлежности, родственных связей практически любой человек.

Необходимо отметить, что деятельность ВЧК направлялась не только постановлениями СНК, но и ведомственными секретными директивами. Так, приказ ВЧК о «красном терроре», принятый 2 сентября 1918 г., т. е. за три дня до Декрета СНК, предписывал «арестовать и заключить в тюрьму всех видных меньшевиков и правых эсеров; арестовать как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных Советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать...» (ГУЛАГ 2002: 14).

После принятия Декрета от 5 сентября 1918 г. Чрезвычайные Комиссии (ЧК) приступили к фактической организации таких лагерей, сначала в Москве и Петрограде, а потом и в других крупных губернских городах. Одна из особенностей концлагерей — упрощенные условия их создания, без согласования с центром (ГУЛАГ 2000: 15). Вот почему решение о создании концентрационных лагерей могли принимать различные субъекты Советского государства (Островская 2011: 47). Другая особенность в создании концлагерей заключалась в том, что для направления людей в концентрационные лагеря не требовалось решение судебных органов. Решения об изоляции граждан в концентрационные лагеря принимались в административном порядке. Закон практически не ограничивал перечень субъектов, имевших право изоляции людей в концлагерь. Главное, чтобы они были должностными лицами каких-либо органов советской власти.

Основное предназначение лагерей — сбор и удержание на охраняемой территории (концентрация) людей, не совершивших преступлений против Советской власти, для их последующего использования в решении иных задач: расстрела, привлечения к труду, использования для последующего обмена и др. Созданию концентрационных лагерей способствовало введение института заложников. В заложники включали (в зависимости от территориальных возможностей): представителей бывшей государственной и функ-

циональной элиты, функциональных слоев населения (сенаторы, министры, генералы); политических активистов (кадетов, меньшевиков, эсеров); купцов, офицеров; жен и иных членов семей офицеров и восставших крестьян и др. Нередко группы заложников формировались по списку, по результатам регистрации офицеров и др. Чаще всего заложники, содержащиеся в концлагерях, расстреливались (Мельгунов 1990: 70).

Одним из главных инициаторов использования концлагерей в качестве репрессивной меры был председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, возглавлявший одновременно (с марта 1919 г.) Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). Именно он разработал концепцию советской лагерной системы и обосновал необходимость использования труда заключенных. Выступая на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. с речью о проекте реорганизации чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов, Ф.Э. Дзержинский внес предложение: «Кроме приговоров по суду необходимо оставить административные приговоры, а именно концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения или, если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников. Таким образом, предлагается создать школу труда и по поводу этого предложения существует следующее: ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь, причем ВЧК руководствуется точным положением о порядке заключения в концентрационный лагерь (инструкция), которое утверждается ВЦИК...» (Дзержинский 1958: 10).

3 апреля 1919 г. коллегия НКВД приняла за основу предложенный Ф.Э. Дзержинским проект постановления ВЦИК «О концентрационных лагерях». В ходе доработки проекта родилось новое название: «лагеря принудительных работ», которое несло в себе классовый карательно-воспитательный оттенок. Окончательно существование и правовое регулирование деятельности лагерей было оформлено Постановлениями ВЦИК от 15 апреля и 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ» (СУ 1919: 124; 235).

В постановлении ВЦИК о лагерях принудительных работ от 17 мая 1919 г. подробно регламентировались порядок организации лагерей и их управления, а также правовое положение заключенных; кроме лагерей принудительных работ были созданы также особые лагеря для лиц, лишенных свободы на все время Гражданской войны по постановлениям ВЧК (Лосев, Рагулин 1959: 29–30). В лагерях принудительных работ, находившихся в ведении НКВД и ВЧК, содержались лица, относительно которых состоялись решения чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других

советских органов. В Постановлении ВЦИК от 17 мая 1919 г. особо подчеркивалось, что содержание лагерей должно окупаться трудом заключенных.

Так, согласно Постановлениям ВЦИК 1919 г., заключению подлежали следующие лица: «тунеядцы, шулера, гадатели, проститутки, кокаинисты и т. д.»; «за преступления по должности» и дезертиры; спекулянты; уголовные преступники; «за участие и соучастие в контрреволюции и шпионаже»; «иностранные заложники»; «заложники за отдельных лиц (родственники и поручители за лицо, совершившее преступление и скрывшееся от советской власти)»; «русские заложники»; «изолированные контрреволюционеры»; «перебежчики, взятые в плен и нежелающие вступить в ряды Красной Армии»; «военнопленные, политическая благонадежность которых не выяснена»; «военнопленные иностранцы»; «военнопленные, активные белогвардейцы» (СУ 1919: 12; 124). Таким образом, лишение свободы использовалось не только в качестве меры уголовного наказания, но и «как мера простого интернирования сколько-нибудь опасной или даже подозрительной личности» (Основы и задачи 1929: 8).

Согласно «Положению о принудительном привлечении лиц, не занятых общественно-полезным трудом» от 7 апреля 1920 г., подписанному Ф.Э. Дзержинским, в лагерь могли отправить лиц с «уголовным прошлым» и «злостно уклоняющихся» от всеобщей трудовой повинности. При этом «не занятыми общественно-полезным трудом» считались лица: «живущие на нетрудовой доход; не имеющие определенных занятий; безработные, не зарегистрированные в подотделе учета и распределения рабочей силы; хозяйева, ремесленники, кустари, не зарегистрированные соответствующими органами, нарушающие кодекс о труде и правила, установленные для частных предприятий; торговцы, нарушающие правила частной торговли; советские служащие, занимающиеся посторонними делами в рабочее время или манкирующие службой; фиктивно учащиеся» (Известия 1920: 15). Пожалуй, любой человек мог оказаться в лагере.

Первоначальная организация и заведывание лагерями принудительных работ возлагались на губернские чрезвычайные комиссии, которые затем передавали лагерь в ведение подотделов принудительных работ при губисполкомах. Лагеря рекомендовалось устраивать с учетом местных условий «как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т. д.» (Декреты 1971: 69). Была поставлена задача открыть во всех губернских городах лагеря, рассчитанные, как минимум, на 300 человек каждый. Руководство лагерями на территории РСФСР в целом находилось в ведении НКВД. В официальном делопроизводстве НКВД, наряду с названием «лагерь принудительных работ», встречались и такие термины, как «концентрационный лагерь принудительных работ», «концентрационный трудовой лагерь» и другие. Часто разные термины использовались просто как синонимы.

На 1 января 1920 г. в РСФСР насчитывалось 34 лагеря принудительных работ (Труды ЦСУ РСФСР 1922: 58). В 1921 г. количество открытых по всей РСФСР лагерей определялось в 132 лагеря. Из них 106 лагерей были распределены между 43 губернскими подотделами принудительных работ, а остальные 26 лагерей приходилось на Сибирь и автономные области (Главное управление 1922: 66).

На 1 ноября 1920 г. в 84 действовавших лагерях насчитывалось 59636 заключенных, в т. ч. 34400 военнопленных. Число лиц, осужденных за контрреволюцию, не превышало 27 % общей численности. В 1921 г. численность заключенных в лагерях уменьшилась в связи с освобождением значительной части военнопленных: к концу 1921 г. число заключенных в лагерях не превышало 16 тыс. (Моруков 2006: 30–31).

Значительный интерес представляют результаты социолого-статистической обработки 21 тысячи личных карточек на содержащихся в концентрационных лагерях РСФСР в 1919–1921 гг. (Чебышев 1922: 49–53).

Анализ результатов разработки (табл. 1.) показывает, что содержащиеся в концентрационных лагерях подразделяются на три группы: осужденные за преступления (82 %), состоящие под следствием — (8 %) и задержанные в целях превенции (заложники, русские и иностранные военнопленные — 10 %). Преступления разделяются на шесть групп: 1) государственные (24 %); 2) против порядка управления (27 %); 3) должностные (12 %); 4) против личности (1 %); 5) против имущественных прав (20 %); 6) воинские (16 %).

Приведенные шесть групп преступлений подразделяются (табл. 2) на 45 видов с указанием их процентного отношения. Некоторые данные этой таблицы требуют пояснения. В группе государственных преступлений графа «Борьба с Российской Коммунистической Партией (РКП)» в силу своего специфического признака (лозунг — «да здравствуют Советы, долой коммунизм»), показана отдельно, но может быть приобщена к контрреволюции.

В группе преступлений против порядка управления из «нарушений постановлений, ограждающих народное здравие, общественное спокойствие и проч.» выделены пьянство, проституция и картежная игра как продукты революционного правотворчества (ранее не карались). Бандитизм, юридически трудно отличимый от разбоя, показан отдельно по тем карточкам, где точно устанавливалось название «бандитизм». При совокупности преступлений предпочтение отдано тягчайшему. Как видно из табл. 2, наиболее многочисленными преступлениями являются: контрреволюция (16 %); дезертирство (15 %); кража (14 %); спекуляция (8 %); превышение, злоупотребление и бездействие власти (5 %); уклонение от трудовой, налоговой и др. повинностей (4 %); бандитизм (4 %); денежные растраты и хищения (3 %); подделка дензнаков и правительственных документов (2 %); взяточничество (2 %).

Таблица 1

Таблица подсудности

Категории преступлений	Отбывающие наказание									Лишенные свободы в целях превенции				Итого	%	
	Государственные	Против порядка управления	Должностные	Против личности	Против имущественных прав	Воинские	Всего	%	Русские военно-пленные	Иностраные военнопленные	Заложники	Всего	Следственные			Не указаны основания задержания
Учреждения																
Верховный трибунал	6	4	2	-	1	1	14	0,1	-	-	-	-	-	1	-	15
Главный революционный трибунал	-	7	11	-	4	5	27	0,2	-	-	-	-	-	4	-	31
Губернские трибуналы	205	299	279	19	184	833	1819	12,4	2	-	2	4	15	122	-	1960
Военные ревтрибуналы	385	223	336	20	339	474	1777	12,2	1	3	-	4	6	59	-	1846
Народный суд	21	719	218	112	1242	90	2402	16,4	-	-	-	-	26	81	-	2509
Полковой суд	35	46	87	9	191	57	425	2,9	19	12	3	34	3	31	-	493
Дисциплинарный суд	-	5	50	1	1	-	57	0,4	-	-	-	-	-	2	-	59

Таблица 2

Группы преступлений

Категории преступлений	Виды преступлений	Число заключенных (чел.)	Процентное отношение
Государственные	Восстание	525	3,6
	Контрреволюция	2362	16,2
	Борьба с РКП	58	0,4
	Социально-опасные элементы	58	0,4
Против порядка управления	Нарушение прав пользования землей	61	0,4
	Нарушение порядка учета и распределения рабсилы	43	0,3
	Нарушение правил об обращении ценностей	30	0,2
	Подделка дензнаков и правительственных документов	366	2,5
	Нарушение правил о занятии промыслами и торговлей	236	2,5
	Выделка и продажа самогонки	221	1,5
	Уклонение от трудовой, налоговой и воинской повинности	580	4,0
	Забастовка	50	0,3
	Нарушение постановлений, ограждающих народное здравие и общественную безопасность	275	1,9
	Хранение оружия	128	0,9
	Пьянство	202	1,4
	Проституция	89	0,6
	Картежная игра	98	0,7
	Нарушение постановлений, ограждающих работу железных дорог, почты и телеграфа	197	1,3
	Противодействие правосудию	46	0,3
	Побег из-под стражи	88	0,6
Должностные	Взяточничество и вымогательство	299	2,0
	Подлог, растрата и хищения	487	3,3
	Превышение, злоупотребление и бездействие власти	687	4,7
	Саботаж	85	0,6

Окончание таблицы 2

Категории преступлений	Виды преступлений	Число заключенных (чел.)	Процентное отношение
	Нанесение оскорбления должностным лицам	8	0,1
	Небрежное отношение к служебным обязанностям	233	1,6
Против личности	Убийство	87	0,6
	Телесное повреждение и насилие над личностью	51	0,3
	Оскорбление женской чести	17	0,1
	Оскорбление, угрозы и клевета	35	0,2
Против имущественных прав	Бандитизм	529	3,6
	Разбой и вооруженный грабеж	116	0,8
	Кража	2105	14,4
	Подлог	21	0,1
	Мошенничество	45	0,1
	Присвоение и растрата	47	0,3
	Самовольное пользование чужим имуществом	20	0,1
	Поджог	21	0,1
	Шантаж	33	0,2
Воинские	Дезертирство	2216	15,1
	Отказ от воинской службы по религиозным убеждениям	28	0,2
	Другие воинские преступления	106	0,7

В табл. 1 показано распределение заключенных лагерей по учреждениям, приговаривавшим к наказаниям. Здесь мы наталкиваемся на пестроту, граничащую с хаосом. Судебные установления, административные учреждения, хозяйственно-экономические органы, рабочие коллективы, розыскные центры, комиссии чрезвычайные и нечрезвычайные, отдельные лица и проч., всего 54 инстанции. Все эти учреждения сведены в 13, давших наибольший процент осужденных; остальные 41 указаны в графе «прочие» (1,6 % осужденных).

Наибольший процент осужденных падает на органы ЧК (43 %), нарсуд (16 %), Губернские и Ревтрибуналы (по 12 %), на каждый из остальных приходится от 5 до 0,1 %. Разделяя указанные выше 54 учреждения на две

Таблица 3

Таблица судебной и административной подсудности в % (к общему итогу отбывающих наказания за преступления — 14613 чел.)

Учреждения \ Категории преступлений	Государственные	Против порядка управления	Должностные	Против личности	Против имущественных прав	Воинские	Всего
Судебные	4,5	8,9	6,7	1,1	13,4	12,0	44,6
Административные	19,1	17,7	5,6	0,2	6,7	6,1	55,4

группы: судебные и административные (табл. 3), получаем на долю первых 44,6 % осужденных, на долю последних 55,4 %.

Не подлежит сомнению, что указанное выше «перепроизводство» карательных инстанций, наложение наказаний учреждениями, снабженными чисто розыскными или хозяйственными, но отнюдь не карательными, функциями, наконец, доминирующее положение порядка административной расправы против порядка судебного рассмотрения — все это отголоски периода военного коммунизма и вооруженной борьбы за укрепление диктатуры пролетариата. Амплитуда наказаний (табл. 4) от суточного ареста до пожизненного заключения подразделяет заключенных по срокам наказания. Расположение данных в порядке регрессии приводит к следующим цифрам в %: до 1 года — 16; до 5 лет — 14; до 6 месяцев и на условные сроки (например, до конца Гражданской войны, до ликвидации фронта и банд, до окончания хлебной разверстки и т. п.) — 12; до 3 месяцев и до 3 лет — 10; до 2 лет — 8; до 10 лет — 6; свыше 10 лет — 4; до 1 месяца — 3.

Таким образом, на долю долгосрочных наказаний, свыше 1 года приходится 60 %, на долю краткосрочных, до 1 года — 25%. В этом сказалась известного рода антипатия к кратковременному лишению свободы, недостаточно устрашающему, не дающему срока для воспитания чувства дисциплины, нередко вызывающему рецидив. Сопоставление силы репрессии по трем учреждениям — трибуналам, ЧК и нарсудам, показывает следующие данные: трибуналы приговорили на краткие сроки, до 1 года — 16,5 %, на средние, до 5 лет — 49,3 %, на высшие, более 5 лет — 34,2 %; органы ЧК до 1 года — 47,1 %, до 5 лет — 46,3 %, свыше 5 лет — 6,6 %; нарсуды до 1 года — 72,3 %, до 5 лет — 25,5 % и свыше 5 лет — 2,2 %.

Таблица сроков заключения

Сроки заключения	Число заключенных (человек)	Процентное отношение
До 1 месяца	389	2,8
До 3 месяцев	1390	10,0
До 6 месяцев	1725	12,5
До 1 года	2288	16,5
До 2 лет	1144	8,3
До 3 лет	1381	10,0
До 5 лет	1997	14,4
До 10 лет	896	6,5
Свыше 10 лет	602 (из них 39 — пожизненно)	4,3
Условные сроки	1698	12,3
До распоряжения	338	2,4

Концентрационные лагеря выполняли еще одну задачу, которая обычно не отмечается в исследованиях. Они объективно способствовали распространению страха и ужаса среди широких слоев населения. Концентрационные лагеря служили мощным инструментом запугивания и уничтожения населения. Те, кто «не попал в концлагерь», но имел основания для этого, начинали вести себя иначе. Они даже потенциально уходили от возможности оппозиции. Значительными слоями общества овладевал страх за себя и своих близких; страх потерять свободу и сделаться жертвой государственного беззакония. Общество превращалось в хорошо управляемую безвольную массу, которую можно направлять в интересах власти (Литвинов, Потоцкий 2015: 191).

Таким образом, концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ, зародившиеся в Советской России после октября 1917 г., стали совершенно новой формой политического и государственного насилия над широкими слоями населения.

В эпоху Гражданской войны особое значение (с конца 1918 г.) приобрела Сибирь, став центром всероссийской «контрреволюции» и Белого движения, после признания его лидерами в других регионах власти А.В. Колчака в качестве Верховного правителя России. До этого 4 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство, собравшееся в Томске, приняло декларацию «О государственной самостоятельности Сибири», провозгласив ее государственную независимость, аннулировав все декреты советской власти и вернув силу закона Всероссийского Временного правительства (Черняк 2001: 50) (табл. 1).

3 августа 1918 г. Временным Сибирским правительством принимается Постановление «Об определении судьбы бывших представителей Совет-

ской власти в Сибири», реализация которого в 1918–1919 гг. привела к переполненности сибирских тюрем заключенными. Согласно данному документу, деятели Советской власти вплоть до созыва Всесибирского Учредительного Собрания подлежали содержанию в тюрьмах либо концентрационных лагерях (Михеенков 2013: 7).

А.В. Колчак, став Верховным правителем, сразу же ввел на контролируемой им территории режим «чрезвычайного военного положения». На упрек в «милитаризации», в распространении в тылу военного положения А.В. Колчак отвечал Г.К. Гинсу (управляющему делами Совета Министров): «Но вы поймите, что от этого нельзя избавиться. Гражданская война должна быть беспощадной. Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время Алой и Белой Розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне. Если я сниму военное положение, вас немедленно переарестуют большевики или эсеры» (Краснов 2000: 70).

Главной своей целью А.В. Колчак поставил «создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру». «Порядок и закон в моих глазах, — заявлял А.В. Колчак, — являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом» (Звягин 2001: 51).

А.В. Колчак подчеркивал, что Временное правительство будет стараться базироваться на принципах демократичности постольку, поскольку это не будет идти вразрез с требованиями беспощадной борьбы. С этим, призывал он, необходимо примириться (Там же: 52).

Нам трудно судить о том, насколько А.В. Колчак был искренен в своей приверженности законности. По мнению Г.З. Иоффе, Колчак считал, что решающим фактором в стабилизации режима будет победа на фронте, а не реформаторская возня в тылу, способная лишь подрвать военные усилия (Иоффе 1977: 200). Близкую позицию занимает и канадский исследователь Н. Перейра. Он считает, что А.В. Колчак «больше говорил о порядке и дисциплине, чем добивался их на практике» (Перейра 1996: 95). Действительно, в пользу этой точки зрения свидетельствуют высказывания самого Верховного правителя, а главное — сибирская действительность.

С приходом к власти А.В. Колчака потребовались дополнительные меры для юридического обоснования борьбы с противниками режима. 17 декабря 1918 г. Российское правительство Колчака внесло изменение в постановления о следственных комиссиях, предоставлявшее последним право содержания под стражей арестованных ранее лиц до 1 октября 1919 г., «деятель-

ность которых признана явно угрожающей государственному строю или общественной безопасности». Соблюдение данного правила возлагалось как на сами следственные комиссии, так и на заведующих местами заключения (Михеенков 2013: 8).

Помимо следственных комиссий создавались военно-следственные комиссии, Временное положение о них было утверждено Верховным правителем 12 апреля 1919 г. Их целью являлось расследование деятельности военных и гражданских лиц, изобличенных в содействии Советской власти. К основаниям, с которых начиналось расследование, относились: сообщение должностного лица или государственного органа; «объявления» частных лиц; явка с повинной; непосредственное усмотрение комиссии. Действия комиссии имели силу предварительного следствия (Михеенков 2013: 9).

Интересен список лиц, деятельность которых попадала под рассмотрение данных комиссий. Официально он закреплен в ст. 30 Временного положения от 12 апреля 1919 г. Среди них: те, кто находился во главе большевистских организаций или был активистом; участвовал в расстрелах или был причастен к арестам; бойцы большевистских карательных отрядов; участники реквизиций и конфискации; добровольцы РККА; члены РКП(б), анархисты, левые эсеры и прочие «вредные элементы»; иные лица, стоящие на советской платформе; агитаторы (Звягин 2003: 115). Нельзя не обратить внимания на присутствие в нормативном акте таких политизированных, а не правовых понятий, как «активист», «вредный элемент», «лицо, стоящее на советской платформе», «агитатор». Подобная трактовка круга лиц, попадавших под юрисдикцию «Временного положения», делала возможным произвол властей.

Нерешенным к концу 1918 г. оставался вопрос о выделении денежных средств на содержание заключенных красноармейцев в концентрационных лагерях. В «белой» Сибири красногвардейцы, красноармейцы, «действовавшие против войск Временного Правительства», а также лица, «задержанные с оружием в руках или укрывавшие оружие», по установлении их содействия советским войскам, передавались в военное ведомство для «содержания... на положении военнопленных» (Малыгин, Никитин 1997: 42).

В связи с тем, что концлагеря принадлежали военному ведомству, Министерство юстиции не несло за них ответственности, «ибо по смете Минюста расходы на содержание концентрационных лагерей не предусмотрены». Главный штаб по этому вопросу высказывал иные соображения. В связи с тем, что следствие по содержащимся в концентрационных лагерях красноармейцам передано в распоряжение гражданских следственных комиссий, им предлагалось передать содержащихся красноармейцев в тюрьмы, тем более что значительная часть из них содержалась в пенитенциарных учреждениях (Михеенков 2013: 9).

Определенным «шедевром» законодательной практики правительства Колчака стало «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие причастности их к большевистскому бунту», утвержденное Советом министров 11 апреля 1919 г. В повседневном обиходе этот документ получил название «закона о бунте». По этому закону уголовному преследованию подвергались не только большевики, но и все, кто им сочувствовал. Такие лица подвергались ссылке в отдаленные местности, назначенные министром внутренних дел, на срок от 1 до 5 лет с лишением всех политических прав. За самостоятельное возвращение из ссылки предусматривались санкции от 4 до 8 лет лишения свободы (Михеенков 2013: 10).

До ссылки осужденные содержались в переполненных тюрьмах. На конец 1918 г. в местах заключения всех ведомств содержалось около 75 тыс. заключенных. В связи с введением «закона о бунте», по официальным данным Министерства юстиции от 20 мая 1919 г., к арестованным по данному закону добавилось еще 60 тыс. человек (Детков 2009: 105).

В дополнение к тюрьмам на территории, контролируемой правительством Колчака, в Сибири и на Дальнем Востоке был создан 41 концентрационный лагерь (Голуб 2010: 45). В концлагерях Колчака совместно содержались как иностранные военнопленные, так и пленные красноармейцы, а также арестованные сторонники Советской власти. На конец 1918 г. общая численность всех содержащихся в концлагерях достигала цифры — 164917 человек. Данные, дополняющие характеристику колчаковских концлагерей, приведены в табл. 5 (Детков 2009: 105–106).

Таблица 5

**Характеристика концентрационных лагерей
правительства адмирала Колчака**

Места размещения концлагерей	Численность в них военнопленных	Число отпущенных на работы	Всего военнопленных
<i>Постоянные концлагеря</i>			
Екатеринбург	3200	299	3499
Шадринск	339	1730	2069
Челябинск	642	3701	4343
Тобольск	577	1244	1821
Тюмень	3293	1087	4384
Курган	1178	1851	3029
Петропавловск	8893	5641	14534
Омск	18850	14575	33425
Семипалатинск	684	1087	1771
Томск	5641	5635	11276
Новониколаевск	4220	8300	12520

Окончание таблицы 5

Места размещения концлагерей	Численность в них военнопленных	Число отпущенных на работы	Всего военнопленных
Барнаул	2682	353	3235
Бийск	1963	2487	4450
Ачинск	2882	353	3235
Красноярск	9070	2713	11789
Канск	1071	917	1988
Иркутск	3636	5455	9091
Березовка (Иркут. губ.)	7443	7343	14686
Никольск-Уссурийский	3933	286	4221
Владивосток	8000	-	8000
Вновь созданные концлагеря			
Верхотурье	-	61	61
Туринск	223	131	354
Ирбит	959	160	1119
Камышлов	323	7	330
Златоуст	3344	-	3344
Троицк	-	1168	1168
Ялуторовск	366	786	1172
Атбасар	4	-	4
Ишим	848	2083	2931
Кокчетав	89	140	229
Тюкалинск	31	2201	2232
Тара	193	1994	2187
Каинск	84	1585	1669
Павлодар	429	368	797
Славгород	529	69	598
Кузнецк	12	280	232
Змеиногорск	-	511	511
Усть-Каменогорск	-	537	537
Мариинск	291	724	1015
Хабаровск	1457	-	1457
Спасское	8	-	9

В сентябре 1919 г. в докладе мобилизационного отдела штаба Верховного Главнокомандующего, в ведении которого находились концлагеря, указывалось, что из-за неподготовленности к минувшей сибирской зиме заключен-

ным пришлось «с героической стойкостью переносить холод, в результате давший очень большой процент смертности в некоторых лагерях». Среди заключенных было много инвалидов и больных, их питание очень скудное, «что отразится в сильной степени на их здоровье и унесет в могилу в наступающую зиму не одну сотню жизней». К 17 тыс. заключенных, умерших в концлагерях в 1918 г., добавилось еще 13 тысяч в 1919 г. (Квакин 2009: 13–14).

Таким образом, в репрессивной политике антибольшевистских правительств «белой» Сибири основное внимание уделялось борьбе против политических противников с целью усиления существовавших режимов. Реализация разработанных в 1918–1919 гг. нормативно-правовых актов, в которых правовые понятия полностью подменялись принципами политической целесообразности и позволявших осуществлять аресты практически любых лиц по «подозрению» в большевизме, привела к огромному количеству заключенных, большинство из которых обвинялись в политических преступлениях. Суровые законы, направленные на ужесточение уголовной ответственности за преступления против государственного строя и порядка управления, а также практика их реализации, стали одной из причин поражения правительства адмирала Колчака в Гражданской войне.

Литература

- Бонч-Бруевич В.Д. (1931) *На боевых постах Февральской и Октябрьской революций: [Воспоминания о В.И. Ленине]*. М.: Федерация.
- Бордюгов Г.А. (2010) «Красно-белый» террор: модели «чрезвычайщины». *Родина*, 10: 105–107.
- Бурдые П. (2007) *Социология социального пространства*. Пер. с фр.; отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Бухарин Н.И. *Теория пролетарской диктатуры: 1919*. Бухарин Н.И. (1988) *Избранные произведения*. М.: Политгиздат.
- Бухарин Н.И. *Экономика переходного периода*. Бухарин Н.И. (1990) *Избранные произведения*. М.: Экономика.
- Васильева С.Н. (1999) *Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны*. М.: РИЦ МГОПУ.
- Галас М.Л. (2011) Государственно-институциональная и социальная адаптация репатриантов и реэвакуируемых беженцев в России в 1920-е гг. *Власть*, 4: 105–108.
- Гергилева А.И. (2013) Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России. *Военно-исторический журнал*, 2: 54–61.
- Главное управление принудительных работ. (1922) *Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел*. М., 10: 58–71.
- Голуб П.А. (2010) *В застенках Колчака. Правда о белом адмирале*. М.: Изд-во Патриот.
- Горький М. (1917) Несвоевременные мысли. *Новая жизнь*, 7 (20) ноября.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. (2002) Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Международный фонд «Демократия».

Детков М.Г. (2009) *Тюрьмы, лагеря и колонии России: исторический очерк*. М.: Юрлитинформ.

Звягин С.П. (2001) *Правоохранительная политика А.В. Колчака*. Кемерово: Кузбассвуиздат.

Звягин С.П. (2003) *Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России (1918–1922 гг.)*. Дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово.

Интернационалисты: (1987) *Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917–1920 гг.* М.: Наука.

Иоффе Г.З. (1977) *Крах российской монархической контрреволюции*. М.: Наука.

Квакин А.В. (2009) *Колчак известный и неизвестный*. Окрест Колчака: документы и материалы. Сост. А.В. Квакин. М.: Аграф.

Краснов В.Г. (2000) *Колчак. И жизнь, и смерть за Россию*. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС.

Кубасов А.Л. (2012) Мартын Янович Лацис как историк Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, Ч. 2: 104–108.

Латышев А.Г. (1996) *Рассекреченный Ленин*. М.: МАРТ.

Ленин В.И. (2000) *Неизвестные документы (1891–1922)*. М.: РОССПЭН.

Ленин В.И. (1969) *Пролетарская революция и ренегат Каутский*. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Политиздат.

Ленин В.И. (1974) *Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г.* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 40. М.: Политиздат.

Ленин В.И. (1970) *Письмо А.Г. Шляпникову*. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Политиздат.

Ленин В.И. (1970) *Письмо в Пензенский губисполком*. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Политиздат.

Ленин В.И. (1970) *Письмо И.В. Сталину*. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Политиздат.

Литвинов Н.Д., Потоцкий Н.К. (2015) Особенности создания и деятельности концентрационных лагерей в первые годы Советской власти. *Экономика и право*. XXI век, 4: 191–196.

Малыгин А.А., Никитин А.Н. (1997) Следственные и судебные органы белых правительств. *Юрист*, 6: 37–46.

Мельгунов С.П. (1990) *Красный террор в России*. М.: Изд-во «РУССО».

Михеенков Е.Г. (2013) Карательная политика «белых» режимов Сибири и ее реализация пенитенциарной системой в годы гражданской войны (1918–1919). *Вестник Томского государственного университета. Право*, 2 (8): 5–12.

- Моруков М.Ю. (2006) *Правда ГУЛАГа из круга первого*. М.: Изд-во Алгоритм.
- Островская И.В. (2011) Оставить эти концентрационные лагеря для господ. *Военно-исторический журнал*, 8: 46–49.
- Перейра Н. (1996) *Сибирь: политика и общество в гражданской войне*. М.: Ин-т истории РАН.
- Степанов А.И. (2002) *Цена войны: жертвы и потери*. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк. Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М.: Наука.
- Суржикова Н.В. (2014) *Военный плен в российской провинции, 1914–1922 гг.* М.: Полит. энциклопедия.
- Талапин А.Н. (2013) Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации. *Вестник Омского университета*, 3: 81–83.
- Троцкий Л.Д. (1923) *Как вооружалась революция*. Т. 1. М.: Высш. воен. ред. совет.
- Троцкий Л.Д. (1920) *Терроризм и коммунизм*. Пг.: Гос. изд-во.
- Ф.Э. Дзержинский о революционной законности (1958). *Исторический архив*, 1: 3–25.
- Чебышев Н. (1922) Опыт статистической обработки некоторых данных о содержавшихся в концентрационных лагерях. *Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел*. М., 4–6: 49–53.
- Черняк Э.И. (2001) *Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций с марта 1917 до ноября 1918 года*. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Источники

- Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов. Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007.
- Декреты Советской власти. Т. V. М.: Политиздат, 1971.
- Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959.
- Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958.
- Известия Главного комитета по всеобщей трудовой повинности. М., 1920. № 2.
- Известия ВЦИК, 1919, № 195, 10 сентября.
- Лосев П.М., Рагулин Г.И. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.): История законодательства. М.: Госюриздат, 1959.
- Основы и задачи советской уголовной политики. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.
- Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Окт. 1917 — июнь 1920 г. М.: Юридическое книгоиздательство, 1920. (СУ РСФСР).
- Труды ЦСУ РСФСР. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 2. М., 1922.

CONCENTRATION CAMP AS AN ORGANIZED FORM OF POLITICAL VIOLENCE IN POST-REVOLUTIONARY RUSSIA: A HISTORICAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS

*Svyatoslav Brazevich**

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Brazevich S. (2017) Kotsentratsionnyye lagerya kak organizovannaya forma politicheskogo nasiliya v poslerevol'yutsionnoy Rossii: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Concentration camp as an organized form of political violence in post-revolutionary Russia: a historical-sociological analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 108–134 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.6>

Abstract. The article provides a historical-sociological comparative analysis of the punitive policy of the Soviet state and the «white» state formations of Siberia in the years of the civil war. The results of the analysis allow to make conclusions and generalizations that are relevant to our days, help to reveal the complexity and contradictory nature of processes occurring in Russia in the first years after the revolution. The publication examines the conceptual and normative-legal bases of the concentration camps formation (by both the «Reds» and the «Whites») as an organized form of political violence associated with forced isolation of politically and socially unacceptable groups of people. It is shown that in contrast to prisons, concentration camps were created by the Soviet authorities special orders initially as temporary places of detention and in most cases they used prisoners for forced labor. It is also noted that in the concentration camps of anti-Bolshevik governments of Siberia, in addition to the World War I prisoners of war, were kept Bolsheviks and soviet workers, Red Army prisoners and other persons suspected of being sympathetic to Bolshevism.

The article presents the results of sociological and statistical processing of 21 thousand of individual cards contained in the concentration camps of the RSFSR in 1919–1921. They recorded age, gender, place of birth, nationality, education, marital status, profession, social status, belonging to public organizations, place of service, criminal record. In the summary data cover the entire territory of the Soviet Republic, the activities of the Soviet state punitive apparatus as a whole. In addition, the article analyzes the activities of 41 concentration camps located on the territory controlled by the government of admiral Kolchak.

Keywords: revolutionary violence, Russian Civil War, punitive policy, concentration camp, reprisals, hostage-taking, forced labor

References

Bonch-Bruyevich V.D. (1931) *Na boyevykh postakh Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolyutsiy* [Vospominaniya o V.I. Lenine] [On duty the February and October revolutions [Memoirs about Lenin]. Moscow: Federatsiya (in Russian).

* E-mail: brazevichss@bk.ru

Bordyugov G.A. (2010) “Krasno-belyy” terror: modeli “chrezvychayshchiny” [“Red-white” terror: the model of the “state of emergency”]. *Rodina* [Homeland], 10: 105–107 (in Russian).

Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint-Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Bukharin N.I. (1988) *Teoriya proletarskoy diktatury: 1919* [The theory of proletarian dictatorship: 1919]. In: Bukharin N.I. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Bukharin N.I. (1990) *Ekonomika perekhodnogo perioda* [The economy of the transition period]. In: Bukharin N.I. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Ekonomika (in Russian).

Chebyshev N. (1922) *Opyt statisticheskoy obrabotki nekotorykh dannykh o sodержavshikhhsya v kontsentratsionnykh lageryakh* [Experience of statistical processing of some data contained in concentration camps]. *Vlast' Sovetov. Organ Narodnogo komissariata vnutrennikh del* [The power of the Soviets. The authority of the people's Commissariat of internal Affairs], 4–6: 49–53 (in Russian).

Chernyak E.I. (2001) *Revolyuetsiya v Sibiri: s"yezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob"yedineniy i organizatsiy s marta 1917 do noyabrya 1918 goda* [Revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations from March 1917 to November 1918]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta (in Russian).

Detkov M.G. (2009) *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii: istoricheskiy ocherk* [Prisons, camps and colonies of Russia: an historical essay]. Moscow: Yurлитinform (in Russian).

F.E. Dzerzhinskiy o revolyutsionnoy zakonnosti (1958) [Dzerzhinsky F.E. on revolutionary legality (1958)]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical archive], 1: 3–25 (in Russian).

Galas M.L. (2011) *Gosudarstvenno-institutsional'naya i sotsial'naya adaptatsiya repatriantov i reevakuiruyemykh bezhentsev v Rossii v 1920-ye gg.* [Public-institutional and social adaptation of immigrants and refugees in Russia in the 1920s]. *Vlast'* [Authority], 4: 105–108 (in Russian).

Gergileva A.I. (2013) *Chekhoslovatskiy korpus i voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na territorii Rossii* [The Czechoslovak corps and World War I prisoners of war on the territory of Russia]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military-historical magazine], 2: 54–61 (in Russian).

Glavnoye upravleniye prinuditel'nykh rabot (1922) [The main Directorate of forced labor]. *Vlast' Sovetov. Organ Narodnogo komissariata vnutrennikh del* [The power of the Soviets. The authority of the people's Commissariat of internal Affairs], 10: 58–71 (in Russian).

Golub P.A. (2010) *V zastenkakh Kolchaka. Pravda o belom admirale* [In the prisons of Kolchak. The truth about the white Admiral]. Moscow: Izd-vo Patriot (in Russian).

Gorkiy M. (1917) *Nesvoyevremennyye mysli* [Untimely thoughts]. *Novaya zhizn'. 7(20) noyabrya* [New life] (in Russian).

GULAG: Glavnoye upravleniye lagerey. 1918–1960. (2002) Pod red. akad. A.N. Yakovleva; sost. A.I. Kokurin, N.V. Petrov [GULAG: Main administration of camps. 1918–1960. Ed. A.N. Yakovlev; comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov.]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond “Demokratiya” (in Russian).

Internatsionalisty: (1987) Uchastiye trudyashchikhhsya stran Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy v bor'be za vlast' Sovetov v Rossii 1917–1920 gg. [Internationalists: the Participation of workers in the countries of Central and South-Eastern Europe in the struggle for Soviet power in Russia 1917–1920]. Moscow: Nauka (in Russian).

Ioffe G.Z. (1977) *Krakh rossiyskoy monarkhicheskoy kontrrevolyutsii* [The Collapse of the Russian monarchist counter-revolution]. Moscow: Nauka (in Russian).

Kvakin A.V. (2009) *Kolchak izvestnyy i neizvestnyy* [Kolchak known and unknown]. In: *Okrest Kolchaka: dokumenty i materialy* [Neighborhood of Kolchak: documents and materials], ed. A.V. Kvakin. Moscow: Agraf (in Russian).

Krasnov V.G. (2000) *Kolchak. I zhizn', i smert' za Rossiyu* [Kolchak. Life and death for Russia]. Moscow: OLMA-PRESS (in Russian).

Kubasov A.L. (2012) *Martyn Yanovich Latsis kak istorik Vserossiyskoy Chrezvychaynoy Komissii po bor'be s kontrrevolyutsiyey* [Martyn Yanovich Latsis as a historian of the all-Russian Extraordinary Commission for combating counter-revolution]. In: *Istoricheskiye, filosofskiyey, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of the theory and practice]. Part 2. Tambov: Gramota: 104-108 (in Russian).

Latyshev A.G. (1996) *Rassekrechennyy Lenin* [Declassified Lenin]. Moscow: MART (in Russian).

Lenin V.I. (2000) *Neizvestnyye dokumenty (1891-1922)* [Unknown documents (1891-1922)]. Moscow: ROSSPEN, 672 s. (in Russian).

Lenin V.I. (1969) *Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskiy* [The proletarian revolution and the renegade Kautsky]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. Izd. 5-ye. T. 37* [Poln. Coll. Op. Ed. 5-E. T. 37]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Lenin V.I. (1974) *Rech' na IV konferentsii gubernskikh chrezvychaynykh komissiy 6 fevralya 1920 g.* [Lenin's Speech at the IV conference of provincial emergency committees 6 Feb 1920]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. Izd. 5-ye. T. 40* [Complete Works. 5th ed. Vol. 40]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Lenin V.I. (1970) *Pis'mo A.G. Shlyapnikovu* [Lenin's Letter to A.G. Shlyapnikov]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. Izd. 5-ye. T. 50* [Complete Works. 5th ed. Vol. 50]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Lenin V.I. (1970) *Pis'mo v Penzenskiy gubispolkom* [A Letter to the Penza provincial Executive Committee]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. Izd. 5-ye. T. 50* [Complete Works. 5th ed. Vol. 50]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Lenin V.I. (1970) *Pis'mo I.V. Stalinu* [Lenin's Letter to Stalin]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. Izd. 5-ye. T. 50* [Complete Works. 5th ed. Vol. 50]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Litvinov N.D., Pototskiy N.K. (2015) *Osobennosti sozdaniya i deyatelnosti kontsentratsionnykh lagerey v pervyye gody Sovetskoy vlasti* [Features of creation and activities of the concentration camps in the first years of Soviet power]. *Ekonomika i pravo. XXI vek* [Economy and law. Twenty-first century], 4: 191-196 (in Russian).

Malygin A.Y., Nikitin A.N. (1997) *Sledstvennyye i sudebnyye organy belykh pravitel'stv* [Investigative and judicial authorities white governments]. *Yurist* [The Lawyer], 6: 37-46 (in Russian).

Melgunov S.P. (1990) *Krasnyy terror v Rossii* [Red terror in Russia]. Moscow: Izd-vo "PUICO" (in Russian).

Mikheyenkov Y.G. (2013) *Karatelnaya politika "belykh" rezhimov Sibiri i yeye realizatsiya penitentsiarnoy sistemoy v gody grazhdanskoy voyny (1918-1919)* [Punitive policies of the "white" regimes of Siberia and their implementation in the prison system during the Civil War (1918-1919)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Tomsk State University Bulletin. Law Series], 2(8): 5-12 (in Russian).

Morukov M.YU. (2006) *Pravda GULAGa iz kruga pervogo* [The Truth of the Gulag from the first circle]. Moscow: Izd-vo Algoritm (in Russian).

Ostrovskaya I.V. (2011) Ostavit' eti kontsentratsionnyye lagerya dlya gospod [To Leave these concentration camps for gentlemen]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military-historical magazine], 8: 46–49 (in Russian).

Pereyra N. (1996) *Sibir': politika i obshchestvo v grazhdanskoj voyne* [Siberia: politics and society in the civil war]. Moscow: In-t istorii RAN (in Russian).

Stepanov A.I. (2002) Tsena voyny: zhertvy i poteri [War: casualties and losses]. In: *Mirovyje voyny XX veka: v 4 kn. Kn. 1. Pervaya mirovaya vojna: istoricheskiy ocherk, otv. red. G.D. Shkundin* [World Wars of the XX century: in 4 vol. Book. 1. The First World War: a historical essay, ed. by G.D. Shkundin]. Moscow: Nauka (in Russian).

Surzhikova N.V. (2014) *Voyennyy plen v rossiyskoj provintsii, 1914–1922 gg.* [Military captivity in the Russian province, 1914–1922 gg.]. Moscow: Polit. entsiklopediya (in Russian).

Talapin A.N. (2013) *Voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Sibiri v period grazhdanskoj voyny i repatriatsii* [World War I prisoners of war in Siberia during the Civil War and the repatriation]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk university], 3: 81–83 (in Russian).

Trotsky L.D. (1923) *Kak vooruzhalas' revolyutsiya*. T.1. [How the revolution armed. Vol. 1]. Moscow: Vyssh. voyen. red. Sovet (in Russian).

Trotsky L.D. (1920) *Terrorizm i kommunizm* [Terrorism and communism]. Petrograd: Gos. izd-vo (in Russian).

Vasilyeva S.N. (1999) *Voyennoplennyye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. Moscow: RITS MGOPU (in Russian).

Zvyagin S.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law Enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 352 s. (in Russian).

Zvyagin S.P. (2003) *Formirovaniye i realizatsiya pravookhranitel'noy politiki antibol'shevistskimi pravitel'stvami na vostoке Rossii (1918-1922 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Formation and implementation of law enforcement policy of anti-Bolshevik governments in the East of Russia (1918–1922 gg.): Doctor of History thesis]. Kemerovo (in Russian).